

ПРИГЛАШЕНИЕ К ВЫСТАВКЕ

«Другой»
Житомирский

Александр Арнольдович Житомирский родился в 1907 году в Ростове-на-Дону в семье аптекаря. Рисовать начал с девяти лет. В 1920 году умер отец, и мальчику пришлось самому зарабатывать на жизнь, делая рекламу, рисуя фильмы. В 1925 году он окончил среднюю школу и уехал в Москву, купив билет на деньги, полученные за рекламный плакат.

В Москве занимался в Центральной студии АХРР, после окончания которой еще два года учился у В. А. Фаворского. Общение с мастером, по мнению самого Житомирского, дало ему в профессиональном плане несравненно больше, чем вся предыдущая учеба. Именно В. А. Фаворского он всегда считал своим Учителем.

С первых дней войны А. Житомирский начал оформлять журнал «Фронтальная иллюстрация» для воинов Советской Армии и «Фронт иллюстрирует» для немецких солдат. Он создал множество фотомонтажей для листовок. Можно с уверенностью сказать, что эти листовки спасли жизнь тысячам немецких солдат, послужив им пропуском в плен. Поэтому неудивительно, что Житомирский был внесен Геббельсом в список главных врагов рейха, озаглавленный «Найти и повесить». Удивительная способность проникать в душу солдата, рожденная искренним неприятием войны вообще, несущей гибель человеку, в сочетании с блестящим мастерством сделала работы А. А. Житомирского в годы второй мировой войны грозным «бескровным» оружием, а самого автора — классиком политической графики, ведущим мастером фотомонтажа. Об А. А. Житомирском написано немало искусствоведческих исследований, а его работы, вошедшие в историю второй мировой войны, можно увидеть во многих музеях мира.

К сожалению, фотомонтаж на политические темы, принесший мастеру всемирную известность, оставил в тени другие грани его творчества, которым сам художник придавал большое значение. Это пейзажные рисунки, портреты и натюрморты. В книге «Искусство политического фотомонтажа» художник пишет: «Одни считают моей основной профессией фотомонтаж, другие — оформление книг и журналов, т. к. я подготовил немало книг и вот уже около тридцати лет оформляю журнал

«Советский Союз». Но мне думается иначе, полноту творческого счастья я испытываю, когда в незнакомом городе рисую древнюю улицу или человека, с которым только что разговаривал. Рисую в городах, селах, у моря. Запах моря, шум городских улиц, сельская тишина, ветер и

солнце заполняют меня до отказа... Для меня существует только то, что я вижу, слышу, вдыхаю... Это счастье рабочего процесса художника». В многочисленных поездках по стране и за рубежом А. Житомирский создал сотни рисунков. Лишь небольшая их часть представлена на выставке, развернутой в Центральном Доме художника.

...Итак, перед нами по преимуществу — «другой» Житомирский, всю свою жизнь сопутствовавший первому, известному, признанному, всю жизнь остававшийся в его тени.

Когда политический график показывает на персональной выставке никому не ведомые «домашние работы», они нередко вызывают чувство неловкости. В чужой непривычной роли мастер вдруг оборачивается дилетантом. Его беспомощность или дурновкусие деликатно не замечают. Ему все прощают ради того, что принято считать главным делом и заслугой его жизни. Житомирскому ничего не нужно прощать. Он не нуждается в снисхождении. Его пейзажные циклы, портреты и натюрморты заслуживают и ждут внимательного сочувственного исследования.

«Неглавная» область творчества А. Житомирского — удивление пространства — наверное, многие сотни еще никем точно не сочитанных листов, исполненных в Москве и в поездках по всему свету. Художник рисовал прославленные архитектурные памятники и безвестные улочки, храмы, дома. Он никогда не затруднялся отысканием мотива, и не только потому, что глаз предлагал ему новое. Он был наделен острейшим чувством прекрасного. Он, наверное, влюблялся во все эти возносящиеся над городами

готическими шпилями, в тесаный камень стен и мостовых, в кованые узоры садовых оград, в причудливо изваянные водостоки, и потому в рисунках все это получало новый смысл. Удивительно: всю жизнь склеивая свои коллажи из фотоснимков, зная о фотографии все, что только можно узнать, А. Житомирский, похоже, никогда не снимал в поездках — я не видел ни одного рисунка, сделанного с фотографии. Он остро ощущал и ценил особенности рисования с натуры, когда художник постепенно приобретает к окружающему, «врастает» в него и делает его своим.

Несомненно, работы «другого» Житомирского могут и должны занять место рядом с его фотомонтажами — вещами признанными, давно и прочно занявшими место в истории искусства. Но только не с тем, чтобы их потеснить.

Было бы затеей праздной пересматривать сюжеты и темы Житомирского сообразно нашему нынешнему историческому сознанию — он не ответствен ни за козни политиков, ни за заблуждения народов. Зато не лишним будет по достоинству оценить его художественный инструментарий, его приверженность коллажу, которая ныне выглядит и неслучайной, и знаменательной. Ведь коллаж еще в начале века, как известно, открыл художникам и возможность по-новому трактовать пространство и время, и новую метафоричность. Позднее, когда настали лихие времена, границы художественно недозволенного по счастью и парадоксальным образом обошли стороной политическую сатиру. Александра Житомирского это спасло от «перевоспитания», искалечившего не одного художника его поколения. Он остался самим собой — во всем и на всю жизнь.

Владимир ЦЕЛЫТНЕР